

Golden Gate of the Temple
Jerusalem
Thompson 1880

The background of the entire page is a grayscale image of ancient stone carvings, likely from a classical or biblical context, showing figures and architectural elements. A white rectangular box is centered on the page, containing the text.

Огюст Шуази

ИЕРУСАЛИМ

ДЕКУРИОН АНТОНИЙ

Хроника событий недели
глазами командира римской кавалерии

Перевод А. Быстрова

УДК 821.161.1-822
ББК 84(Рос=Рус)6-445
ИЗО

Огюст Шуази (А. Быстров)
ИЗО Иерусалим. Декурион Антоний. – 2015. – 54 с.

УДК 821.161.1-822
ББК 84(Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-4253-0829-0

© Оформление. Котлярова Г.

четверг на неделе перед еврейским праздником Пасхи. Военный лагерь близ Иерусалима. Здесь стоит Шестой легион Римской империи. Лагерь почти пустой. Основная часть легиона ушла в Капернаум подавлять мятеж, разгоревшийся несколько недель назад. Оставшиеся легионеры составляют гарнизон Иерусалима – охраняют ворота города, дворец прокуратора, патрулируют улицы.

Из города на главную площадь лагеря прибыла группа всадников в серых доспехах и голубых плащах, во главе с командиром второй кавалерийской турмы* легиона. Он

*Турма – кавалерийский взвод, численностью тридцать шесть человек. Построение – тремя шеренгами, декуриями, по десять всадников в шеренге. Командир декурии – декурион, размещается на правом фланге шеренги. На левом фланге размещается дополнительный декурион, являющийся запасным. Командир первой декурии командует всей турмой.

привез приказ прокуратора командующему лагерем: выделить четыре турмы кавалерии, для дополнительной защиты дворца.

Между римлянами и местными иудеями давняя неприязнь, постоянно угрожающая вылиться в открытый бунт. Грядет большой праздник – Пасха. Много иудеев из окрестных селений прибудут в Иерусалимский храм для традиционных приношений. Возможны беспорядки. Положение серьезное, так как войск в городе сейчас мало.

Кавалерия собралась быстро. Уже через час, полторы сотни всадников въехали в главные ворота города. За ними прямая улица ведет к храмовой горе, на которой высится циклопическое сооружение Иерусалимского храма. В двух кварталах слева от храма – дворец прокуратора. Лавина всадников въехала в ворота и стремительно проскакала по улицам среди разбегающихся толп. Иудеи особенно ненавидели всадников, которых власть часто использовала в разгоне протестующих толп. Совсем недавно прокуратор приказал кавалерии разогнать бунтующих иудеев, но оружие не использовать. Всадникам выдали палки. Однако покалеченных было много. За кавалери-

ей шли легионеры, арестовывая зачинщиков беспорядков. В те дни для устрашения много людей было распято на крестах вдоль дороги из Иерусалима к побережью. Двумя потоками с двух сторон кавалерия окружила дворец под радостные крики воинов охраны. Лошадей загнали на задний двор, всадники присоединились к караулу. Четыре декуриона, командующие турмами кавалерии поднялись по закрытой лестнице, ведущей на верхнюю площадку дворца прокуратора. Он ждал их. Вместе с ним в комнате находились начальник тайной полиции и сотник, командующий охраной дворца. Окна занавешены, в комнате довольно прохладно. В середине комнаты низкий стол с кубками, кувшин с вином и блюдо с фруктами. Вдоль стен расставлены лавки. Прокуратор стоит у стола, сложив руки за спиной. Ответив на приветствие командиров, жестом пригласил их сесть. – Разведчики сообщают, – начал прокуратор, – что на днях в город вошел какой-то иудейский пророк, встреченный толпой с большим энтузиазмом и надеждой, при этом он выгнал из храма торговцев жертвенными животными и менял, что ещё больше понравилось толпе, и вызвало раз-

дражение служителей храма. Возбуждение толпы всегда внушает опасение. Чаще всего, оно заканчивается бунтом против кесаря. Сейчас, накануне еврейского праздника Пасхи, когда в город придут иудеи из ближайших поселений, это было бы очень некстати. И у нас сил явно недостаточно. Лучший испытанный способ защиты – заставить иудеев воевать друг с другом. Надо сделать так, чтобы они боролись между собой. Тогда им будет не до нас. К сожалению, нам мало что известно об этом пророке. Говорят, что он исцеляет людей и даже кого-то воскресил. Люди встречали его пальмовыми ветвями как царя и называли между собой царем. Можно попробовать противопоставить его царю Иудеи или, что ещё лучше, первосвященнику. Надо напугать их мнимой опасностью этого пророка. Недаром его называют царем. Сколько с ним его преданных? – спросил прокуратор начальника тайной полиции, прохаживаясь по комнате из угла в угол.

– Не много, – отвечал тот, – двенадцать самых близких и ещё несколько десятков любопытствующих.

– Ну, с ними может разобраться и охрана храма, – сказал прокуратор, – сообщите первосвященнику наше мне-

ние об этом пророке, что мы считаем его опасным для власти царя Иудеи и спокойствия города. Мне кажется, что именно ему надлежит заняться им. Подготовьте письмо в Капернаум, чтобы войска скорее возвращались. Восстание в столице Иудеи нам в Риме не простят. Что у нас осталось в лагере? – повернулся прокуратор к командиру прибывшего отряда кавалерии.

– Шестьдесят всадников и две когорты пехоты, – ответил тот, – да еще баллисты и обслуживающие их.

– Предупредите их, чтобы были наготове, – сказал прокуратор, – иудеи могут напасть на лагерь. А сейчас идите, отдохните и пусть разместят и накормят людей.

Всадники приветствовали прокуратора наклоном головы, приложив правую руку к груди. Повернулись и вышли из комнаты. Это были опытные воины, прошедшие много военных походов. Командовал ими командир второй турмы – декурион Антоний, которого в шутку они называли «избранным». Он столько раз выбирался из сложнейших переделок живым, что все считали его любимчиком богов. Он был сыном патриция, покончившего с собой по приказу сената. Мать его умерла от горя, и он, оставшись со-

всем один, отправился на войну вынужденно, поскольку у него просто не осталось никаких других средств к существованию. В боях он снискал себе уважение и любовь других всадников и был назначен заместителем командира кавалерии легиона. Командующий кавалерией ушел с основными силами легиона, поэтому Антоний и возглавлял этот отряд. На самом деле он не любил сражения и, может быть, даже искал смерти в них, потому что потеряв всё, не видел смысла своей дальнейшей жизни. Но судьба берегла его, готовя ему какое-то другое предназначение.

Они вышли из дворца на залитый солнцем белый песок заднего двора. Справа, под навесом, лошади у коновязи. В центре двора столб, к которому привязывали преступников, наказываемых плетью. По периметру двора – одноэтажные здания с помещениями охраны и прислуги. Возле лошадей на земле сидят и лежат прибывшие воины. Подошел слуга и пригласил декурионов в офицерскую комнату. В прохладе полутёмной комнаты несколько столов и лавок. Слуга принёс кувшин вина и кубки. Немного погодя, мясо жареного барашка, лепешки, финики и сушеные фрукты. Антоний часто бывал во дворце и хорошо знал этого старого слугу.

– Что слышно об этом пророке? – спросил его Антоний. – Кто он и откуда?

– Говорят, что он плотник из Назарета, – с поклоном отвечал тот. – Его долго не было, а когда появился, то начал проповедовать, многих исцелил и каждый день исцеляет. Говорят, даже кого-то воскресил.

– Ну, это я слышал, – прервал его Антоний, – а что он говорит?

– Довольно странные проповеди, – продолжал слуга, – он выступает всюду, куда приходит, но говорит непонятно – притчами. Призывает всех любить друг друга, не применять насилия. Не всем это нравится. Люди ждут Мессию – освободителя. А он запрещает убивать.

– Так чем же он опасен? – удивился Антоний, – если проповедует ненасилие.

– Не знаю насчет ненасилия, – ответил слуга, – но он устроил настоящий погром в храме: выгнал меня и торговцев. Перевернул их столы. Причем выгонял их плетью, крича при этом: «что вы сделали с домом Отца моего – вы превратили его в вертеп!» Людям это понравилось, но очень возмутило фарисеев – как смел он, называть Бога своим отцом.

– Пока я не вижу в нем серьезной опасности для нас, – произнес Антоний, – мало ли сумасшедших ходят по земле с проповедями. Он же не призывал к избиению римлян и не порочил кесаря.

– Наоборот, люди спрашивали, нужно ли платить подати кесарю, – сказал слуга, – а он показал на монете его изображение и сказал: «отдавайте кесарю кесарево».

Эти слова окончательно удивили Антония. Сбор податей всегда был главной проблемой в захваченных странах, и основной причиной бунтов.

– Тогда я совсем не понимаю, чего так боится прокуратор, – сказал Антоний задумчиво.

Остальные командиры молча слушали и пили вино. Все они не любили Иерусалим. Спокойно они чувствовали себя лишь за частоколом своего лагеря. В городе часто пропадали воины. Иногда их находили растерзанными и убитыми. Иудеи давно начали собираться в банды так называемых зелотов – мстителей, часто нападающих на патрули. По одному ходить в город командиры запретили солдатам уже давно.

Пришел легионер и сообщил, что командира кавалерии требует к себе прокуратор. Антоний поднялся и вышел из комнаты. Солнце заливало зноем слепящий белый песок заднего двора. Солдаты ели, сидя и лёжа под навесом. Рядом стояли лошади. По периметру и на стенах дворца караульные из охраны и всадников. Обычный знойный полдень Иудеи. Ничто не предвещает каких-либо событий. По той же закрытой лестнице Антоний поднялся в приёмную прокуратора. Тот сидел в кресле, наклонившись головой к начальнику тайной полиции, сидящему рядом. Увидев Антония, он властно прервал его приветствие и указал на кресло с другой стороны рядом с собой. Видно было, что он чем-то воодушевлён.

– Как всегда, – начал прокуратор, – нашелся предатель! Сегодня ночью он поможет охране храма арестовать этого пророка. Смертный приговор арестованным могу выносить только я, а первосвященник, конечно же, надеется его казнить. Так что завтра, я уверен, его приведут сюда и, видимо, нагонят толпу народа, чтобы надавить на меня. Так что с утра две турмы в конном строю должны стоять у входа на задний двор, чтобы по первому моему слову с двух

сторон обогнуть дворец и атаковать толпу перед главным входом. Охрана дворца будет держать главную лестницу. Остальная кавалерия должна быть в пешей готовности на заднем дворе. Возможно, ей придётся помогать легионерам на лестнице. Только при атаке действуйте так, чтобы дать возможность иудеям убегать в городские улицы. Мне не нужно крови. Сам ты все время будешь при мне, чтобы командовать всадниками.

Прокуратор наклонился к столу, взял кубок с вином и передал Антонию. Ему нравился этот декурион за его своевременные и точные исполнения распоряжений и спокойный, доброжелательный нрав.

– Надеюсь, что нам удастся пережить эту Пасху, – со смехом поднял свой кубок прокуратор, – и пусть иудеи занимаются иудеями.

В этот момент в комнату вошла жена прокуратора. Под её широкими одеждами видно было, что она в положении. Глаза её были опухшими, красными, жесты резкими, она как будто не замечала других офицеров в комнате и смотрела только на мужа. Все в ней выражало крайнее беспокойство. Прокуратор жестом отпустил командиров и во-

просительно поглядел на неё. Уже выходя из комнаты, Антоний услышал слова женщины

– Этот пророк великий человек, ты не должен причинить ему вреда. Будет очень большая беда.

Женщина торопливо и сбивчиво говорила ещё что-то уже тихо, наклонившись к его уху.

Антоний вышел во двор. Легкий ветерок начал разгонять зной, поднимающийся от раскаленной земли. Здесь, на востоке, днём никто не выходит из домов – пережидают зной. Ежедневная жизнь в городе и округе начинается рано утром и заканчивается до полудня, а потом оживает уже в сумерки и продолжается до глубокой ночи. Сейчас было время дневного отдыха. Солдаты спали вповалку под навесом. Антоний проверил посты и отыскал офицеров. Договорились, что первыми завтра утром на дежурство в боевой готовности заступят четвертая и пятая турмы. А его солдаты и третья турма сменят их в середине дня. Он не любил приказывать, а старался больше договариваться, чтобы подчинённые понимали то, что им предстоит делать и что зависит от их действий. Потом он пошел к лошадям. Лошади – было то единственное, что он искренне любил

в своей работе – сам проверял каждую лошадь, следил за тем, как они накормлены, подкованы и строго спрашивал со всадников за их состояние. Он любил лошадей, и они платили ему тем же. Даже спать он часто предпочитал среди лошадей прямо на земле, под их копытами. И они стояли рядом, не шевелясь и охраняя его сон. Сколько раз это спасало жизнь ему и его солдатам.

Антоний вышел через открытые задние ворота на пустырь перед дворцом. Два солдата из караула приветствовали его копьями. Абсолютно мирная сцена на улице. Пожилой еврей ведет гружёного осла. Детишки тащат в сетке лепёшки из пекарни. Но что-то внутри сжалось, как бывало перед серьёзными сражениями, когда всё его существо ощущало предстоящие события, в результате которых всё могло существенно измениться, и итог невозможно было предсказать. Вспомнилось измученное лицо жены прокуратора, её странные слова. Казалось, она была чем-то очень напугана. Он не любил эти тревожные состояния – ожидание перед боем. За годы службы накопилась приличная усталость, и все эти переживания уже достаточно надоели. Но служить надо было еще четыре с лишним года, и он пока даже

не задумывался, что будет делать дальше. Его удивило появление этого чувства при отсутствии очевидной внешней угрозы. Вражеского войска нет. Однако, в сердце предчувствие беды. Теперь он понял – прокуратор ощущает то же самое, только уже давно – он предчувствует события, в которых ему неминуемо придется играть не последнюю роль. Антоний взглянул на небо – ни облачка, только знойная молчаливая опасность вокруг. Он повернулся и пошел к своим любимым лошадям. Только среди них он чувствовал себя всегда спокойно.

Утром следующего дня Антоний проснулся рано от пронизывающего все его тело холода тумана, заполнившего собой всё вокруг. Призрачные фигуры солдат, сменившихся с караула и возвращавшихся под навес, пробегающие слуги – всё казалось нереальным в густых белых клубах, медленно ползущих по двору. Во дворце была заметна суета, внизу строились легионеры охраны, повара тащили котлы с завтраком для солдат. Антоний поднялся по лестнице на верхнюю открытую площадку дворца, на которой обычно принимали просителей. Из комнаты стремительно вышел прокуратор, на ходу одевая кожаную кирасу.

– Хотел посылать за тобой. Первосвященник арестовал того пророка и скоро его приведут сюда. Пришел вестник из храма, – сказал он, кивнув головой в сторону воина в форме охраны Иерусалимского храма. Еще четверо стояли внизу у основания главной лестницы. – Что за спешка такая, почему так рано?

Воин поклонился и ответил: – Грядет большой праздник – Пасха, завтра суббота. Первосвященник просит вас решить всё сегодня.

– Хорошо, – ответил прокуратор, – иди, через час я жду вас, с арестованным.

Он повернулся к Антонию: – Поднимай солдат, корми их. Через час все должны быть готовы. Построишь половину кавалерии у ворот и приходи сюда.

Антоний поклонился, повернулся уходить и на мгновение задержался, взглянув вниз на главный двор. Уходящие солдаты охраны храма медленно таяли в тумане. Если нападать, то лучшего момента не найти, подумал он, спускаясь с лестницы, в десяти шагах ничего не видно.

Солдаты, привычные к суровым будням собирались быстро. Жизнь на чужой территории приучила их быть го-

товыми ко всему. Две турмы выехали с заднего двора и построились по обеим сторонам от ворот. Антоний с сигнальщиком поднялись на верхнюю площадку дворца. По звуку рожка кавалерия должна будет атаковать. Вдруг резко вспыхнуло солнце, туман заметно рассеялся, и в конце улицы стала видна толпа, идущая от храма в сторону дворца прокуратора. В середине толпы шагала группа воинов охраны храма.

В дверном проеме комнаты за занавеской промелькнуло взволнованное заплаканное лицо жены прокуратора. Тот стоял рядом и что-то говорил ей.

Внизу из боковых дверей по сторонам главной лестницы дворца вышли легионеры охраны и выстроились в две шеренги у основания лестницы. Толпа приближалась. Впереди шёл первосвященник в сопровождении священников и фарисеев. За ними солдаты вели связанного и избитого пленника. По бокам и сзади, громко и неестественно крича, шла агрессивная толпа, видимо, проплаченная. Люди всё время старались ударить или толкнуть пленника, а охрана отпихивала их. Подойдя к дворцу, они остановились. Прокуратор выдержал паузу, после чего вышел из комна-

ты. Внизу все закричали. Он поднял руку и в наступившей тишине спросил: – В чём обвиняется этот человек?

Из группы священников вышел секретарь, прошёл через шеренги охраны, поднялся по ступеням и с поклоном вручил прокуратору лист бумаги. Тот брезгливо взял этот лист двумя пальцами и, держа его на вытянутой руке, с презрительным выражением лица прочел содержание.

– Что, и это всё, за что вы хотите убить этого человека?

Толпа недовольно загудела. Прокуратор бросил быстрый взгляд на Антония.

– Приведите его сюда, – сказал он.

Несчастного протолкнули через шеренги охраны, и легионер, держа его за шею, провёл по лестнице наверх. Все на площадке с интересом рассматривали арестованного. Среднего роста, со светлыми волосами, очень просто одетый, уже сильно избитый, босой человек с удивительно спокойным, доброжелательным выражением голубых глаз.

Прокуратор в полном недоумении спросил: – Ты царь Иудейский?

– Ты сказал, – ответил тот.

Толпа заревела вниз.

– Ты слышишь, сколько свидетельствуют против тебя? – спросил удивлённый прокуратор. Тот молчал.

Посмотрев направо, Антоний увидел за занавеской комнаты силуэт женщины, напряжённо всматривающейся через незадёрнутую щель в лицо пленника. Как будто почувствовав это, прокуратор тоже посмотрел туда. Он наклонился и сказал что-то начальнику тайной полиции. Тот быстро прошёл в комнату и увел её. Антоний понял: между прокуратором и его женой происходит нечто, связанное с этим человеком. То, что случилось дальше, было для всех неожиданно.

Прокуратор громко провозгласил: – Поскольку, как здесь написано, этот человек из Галилеи, а царь Иудеи тоже родом из Галилеи – пусть он и решает его судьбу.

На мгновение, в воздухе повисла тишина. Первосвященник возмущенно крикнул, что тот не имеет права выносить смертный приговор. На что прокуратор сказал, жестом отправляя пленника: – Я дарю ему это право на сегодняшний день. Ведите его к царю. И, повернувшись спиной к толпе, ушел в комнату, давая понять, что разговор окончен.

Толпа от неожиданности оторопела и, придя в себя, взревела. Пленника вытолкнули за шеренги охраны. Воины сомкнули щиты. Антоний положил руку на плечо сигнальщика.

Первосвященник резко развернулся и, громко стуча своим посохом по плитам двора, широкими шагами направился сквозь толпу в сторону дворца царя Иудеи. Толпа расступилась и, затихая, потянулась за ним. Антоний с грустью смотрел ей вслед. Блеск наконечников копий конвоя отмечал то место, где шел он, всего-то сказавший два слова, но мгновенно завоевавший его сердце. Что-то в нем было необычное и такое приятное, что хотелось всё время находиться рядом.

В этот момент, резко откинув занавес в двери комнаты, на верхнюю площадку дворца вышел прокуратор. Он остановился взглядом на начальнике тайной полиции: – Пошли-те за ними людей: я должен знать, что там будет происходить. Тот склонился в поклоне и вышел. Поманив Антония за собой, прокуратор вернулся в комнату. Там был полумрак, курились благовония. В углу у дальней двери стояла его заплаканная жена.

– Иди, – сказал он ей, – я обещаю тебе, что сделаю всё, что смогу.

Указав Антонию на кресло, он сел сам. Казалось, что он очень взволнован и напряженно думает.

– Видишь ли, декурион, вторую ночь её посещают видения, которые говорят ей, что случится что-то страшное, если мы казним этого пророка, И это впоследствии, отразится на всех нас, – начал прокуратор. – Конечно, относиться серьезно к видениям беременных женщин не слишком разумно. Но, действительно, весьма необычен этот пророк. Странно, но мне он очень симпатичен. Я вообще не люблю иудеев, и мало было среди них людей, которые нравились мне, но этот мне нравится. При этом против него выдвигаются просто бредовые обвинения. Я думаю, что на самом деле он не виновен. Жаль, если придётся его казнить. Но у меня сейчас появилась одна мысль. Начальник тайной полиции подсказал мне, что здесь существует глупая традиция – на праздник Пасхи отпускать по просьбе народа какого-нибудь преступника на свободу. У нас сидит один отпетый бандит Варавва, он убивал и иудеев тоже. Противопоставим его пророку. В таком случае, я думаю, из двух зол они выберут наимень-

шее – нашего пророка. Хотя первосвященник, похоже, настроен по-боевому. Удастся ли нам передомить настроение толпы? Мне кажется, что скоро они придут опять. Дайте людям отдохнуть, но как только те появятся – будьте готовы.

Антоний поклонился и вышел. Спустившись во двор, он дал распоряжение напоить лошадей и приготовиться к смене. Вторая и третья турмы заступают на дежурство в полном вооружении, четвертая и пятая отдыхают. Недолго было тихо, затем опять вдали раздались людские крики. Дав кавалерии команду к построению, Антоний поднялся на верхнюю площадку дворца.

Приближающаяся толпа существенно увеличилась в размере и была явно раздраженной. Они криками требовали распять пророка. Через раздвинутую занавеску двери комнаты Антоний увидел, как начальник тайной полиции, нагнувшись, что-то тихо говорит сидящему прокуратору. Тот задумчиво крутит в руке виноградную кисть.

Народ в это время заполнял площадь перед дворцом. Впереди шел первосвященник, вокруг него полукольцом шли другие священники и фарисеи. За ними в толпе выделялись своей формой солдаты конвоя.

Прокуратор вышел на площадку дворца. Проходя мимо Антония, он бросил ему: – Ирод отказался, униженно просит меня решить это дело.

Пленника протолкнули через шеренги охраны к лестнице.

– Прокуратор, – произнес первосвященник, – этот человек совершил тяжкие преступления против веры и кесаря. Мы требуем, чтобы ты приказал распять его.

Прокуратор молча стоял на вершине лестницы и смотрел на клубящуюся внизу толпу. В ней сновали люди, раздающие мелкие монетки. В этот момент Антоний увидел, что на площадку привели закованного в цепи Варавву. Прокуратор даже не посмотрел в его сторону. Он молчал. Толпа гудела: «Распни его!» Наконец, он поднял руку, площадь притихла.

Прокуратор с презрением сказал: – Я не вижу за этим человеком вины, хотя вы называете его преступником. Но по вашей традиции я могу отпустить одного преступника в Праздник. Я хочу отпустить его. Кого хотите вы? Его или этого бандита, убившего многих иудеев? Он не глядя, показал рукой на Варавву. «Варавву!» – заревела площадь.

Прокуратор отвернулся. Антоний увидел по его лицу: он не ожидал этого.

Мгновение прокуратор думал, потом стремительно повернулся и гневно вскричал: – Хорошо, я дам вам последнюю возможность не пролить невинную кровь. Я накажу этого вашего пророка, и потом ещё раз спрошу вас. Может быть вы, наконец, насытитесь кровью этого человека и успокоитесь. Помните, в случае его смерти она падет на ваши головы!

Махнув рукой охране, он стремительно ушёл в комнату. Легионеры грубо схватили пророка, и потащили его во внутренний двор. Из глубины комнаты прокуратор позвал Антония.

– Толпа подкуплена, – сказал он, наливая в кубок вино и повернувшись к начальнику охраны, – вряд ли они изменят своё решение. Отделайте его хорошенько, может быть, тогда толпа смируется над ним. За что же его убивать? – А ты, декурион, – обратился он к Антонию, – если они решат распять его, с двумя турмами поедешь вперед и оцепишь Голгофу. И чтобы никто не проскочил. Остальных всадников поставь в боевые порядки охранять

дворец. Иди, выполняй, я дам тебе знать, если надо будет выезжать.

Антоний шел через внутренний двор к своему отряду, мимо столба, к которому уже привязали раздетого пророка. Антоний не любил легионеров – это были грубые животные, часто наслаждающиеся истязанием жертв, настоящие звери-убийцы. Он хорошо понимал, что сейчас произойдет с несчастным человеком, и поторопился пройти, чтобы не видеть этого.

В отличие от легионеров всадники в своей основной массе были детьми состоятельных родителей. Иногда даже имели неплохое образование. С некоторыми из них Антоний периодически с удовольствием беседовал. Он ценил это, потому и служил в кавалерии.

Отдав команду четвертой и пятой турмам выезжать из дворца, и занять позиции справа и слева от ворот, он направился к своим солдатам. Его серую в яблоках изящную лошадь держал в поводу второй декурион. Антоний вскочил на неё и взял в руки поданное ему копьё.

В этот момент раздался свист плети и первый стон бичуемого пророка. Лошадь неожиданно забеспокоилась, ста-

ла перебирать копытами и пошла боком. Антоний покачнулся в седле, но удержался и поводьями остановил её. На душе было отвратительно: избивают приятного и невинного человека. Он понимал, что таким образом прокуратор пытается спасти ему жизнь. Но почему так? Почему погибает действительно хороший человек, становясь жертвой политических игр власти. Ох уж эта власть! Как он ненавидел её! Его отец погиб в такой же игре за власть. Сам Антоний предпочёл служить в армии именно потому, что постоянная близость смерти устанавливала между людьми совсем другие отношения, которые ему нравились.

Слышны были звуки ударов бича, но стоны вскоре прекратились. Антоний сидел на лошади, справа и позади себя в раскаленном мареве белого песка он видел суетящиеся фигуры возле столба. Несчастного отвязали и куда-то понесли. Через некоторое время он услышал рев толпы: «Распни его! Распни его!»

«Не получилось прокуратору спасти его, – с грустью подумал Антоний, – переиграл его первосвященник!»

Потом ему передадут исторические слова прокуратора: «Я умоваю свои руки, пусть кровь его падёт на ваши головы».

К нему подбежал легионер и передал приказ немедленно выезжать к Голгофе.

Антоний одел шлем, выехал из строя и скомандовал: – Кавалерия, вперед!

Лошади пошли, ускоряя бег, потоком втягиваясь в узкие улицы Иерусалима. Толпа на площади перед дворцом испуганно притихла и сбилась в сторону, пропуская мимо лавину скачущих всадников. Стремительно промчавшись по улицам города, они выехали к холму, называемому гора Голгофа, традиционно используемому для казни преступников. У подножия его стояла полуразвалившаяся овчарня, куда Антоний приказал загнать лошадей. Оставив при них охрану, он распорядился остальным всадникам оцепить холм и никого не пропускать. Вместе с командиром третьей турмы они поднялись на вершину. Почва кругом скалистая, почти без зелени. Повсюду в земле видны выдолбленные лунки под основания крестов. «Сколько же людей простились с жизнью здесь! Что стоит человеческая жизнь, и почему казнят людей так изуверски, заставляя их страдать? Почему другие люди получают от этого удовольствие?» – думал он, шагая между этих лунок. Сам Антоний

во время походов по Азии научился у арабских воинов нескольким ударам, которыми они убивали человека быстро и почти безболезненно в определенные места на теле. Он считал, что если ты воин, то должен выполнять свою работу честно, с уважением к противнику, по возможности не убивая его. Но если убивать, то быстро и, если удастся, без боли. А еще лучше – всегда договориться, обойтись миром, без крови.

Вдали расстился город, над которым вздымалась громада Иерусалимского храма. Храм не нравился Антонию. Огромные кубические формы без изящества и тонкости. То ли дело римские и греческие колоннады и портики, утонченные и соразмерные, приятные для глаза. Здесь же просто громада каменных масс – варвары, одним словом. На горизонте за храмом он с удивлением увидел тонкую полосу темно-фиолетовых грозовых облаков. «Это ещё что такое, – подумал Антоний, – гроза в такое время года – дело небывалое.»

Когда толпа, наконец, появилась на дороге, темные облака уже затягивали горизонт. В воздухе повисло ощущение нарастающей беды. Антоний знал это чувство, как будто боги

предупреждают, что приближаются трагические события. Впереди толпы ехал сотник на коне, за ним шли десять легионеров, далее вели приговоренных. «Боже, как же они избili его, – вздрогнул Антоний, – он едва идет. Его крест несет какой-то крестьянин, при этом даже иногда поддерживает его.» Боль пронзила сердце Антония. «Господи, почему я до сих пор здесь? Почему должен терпеть этих животных вокруг себя, разговаривать с ними, улыбаться им? За что, Господи?.. Почему они не чувствуют, что губят хорошего человека? Он много лучше них. Что они сделали с ним? Почему они с удовольствием сеют вокруг себя ненависть, которая со временем и их убьет? Господи, зачем я здесь, когда ты забереешь меня отсюда?..»

Толпа подошла к подножию холма. За пророком шли два бандита, тоже приговоренные к распятию. Их руки были привязаны к поперечинам крестов, которые они несли. Их безжалостно били легионеры, подгоняя идти быстрее. Позади и по сторонам дороги шла большая толпа иудеев. Сотник, с опаской взглянув на небо, подстегнул лошадь и буквально взлетел на вершину холма. Махнув ему рукой, Антоний пошел вниз к своим людям, которые должны

были отсечь толпу и не пропустить её на вершину. Всадники расступились перед осуждёнными и конвоем и затем перекрыли дорогу, копьями остановив толпу. Иудеи безропотно растеклись вдоль цепочки воинов, снизу наблюдая за происходящим на Голгофе.

Видно было, как несший крест крестьянин сбросил его с плеча на землю на вершине холма. Пророк обессиленно присел на крест. Крестьянин что-то сказал ему, наклонившись и положив руку ему на плечо. Тот поднял голову и что-то ответил, после чего крестьянин склонился в глубоком поклоне, повернулся и пошёл вниз нетвёрдой походкой, свесив руки и сторбившись. Сотник что-то говорил солдатам, показывая на растущую над городом тучу. Воины засуетились. Повалили осужденного пророка на крест и стали растягивать его руки и ноги. Антоний отвернулся, чтобы не видеть этого. Внизу юноша и три женщины в чёрном громко спорили с солдатами, не пропускающими их. Антоний подошел. Увидев офицера, юноша обратился к нему, показывая рукой на женщин:

– Это мать, сестра матери и невеста осуждённого – пропустите их к нему! – попросил он.

Пожилая женщина повернулась и взглянула на Антония. Он никогда не забудет этот взгляд – сколько тишины, боли и власти было в нём!

– Пропустите их всех, – приказал он.

Когда они проходили мимо, он, склонив голову, тихо сказал матери: – Я сожалею.

Она на секунду остановилась и внимательно посмотрела на него. В этот момент будто вздох пронёсся по всей толпе. Они одновременно повернулись и взглянули на вершину. Солдаты за веревки подняли крест, и он с глухим стуком соскользнул в лунку. По обеим сторонам от пророка на поперечинах крестов вдоль по стойкам поднимали бандитов. Женщины бросились наверх. Антоний медленно пошёл вслед за ними. Солдаты заколачивали распорные клинья в лунки, крича друг другу и в адрес осуждённых. Из толпы тоже кричали что-то оскорбительное. Женщины замерли перед крестом. Антоний остановился за ними. На пророка было страшно смотреть – всё тело его было сине-красным от кровоподтёков, с множеством открытых ран. На голову ему надели терновый венец, впившийся в кожу. Кровь от одного из вонзившихся шипов стекала ему в глаз.

Когда они подошли, пророк что-то говорил бандиту, висевшему справа от него. Было видно, что говорить ему трудно: силы уже оставляли его. Посмотрев на группу людей у подножия креста, он, с трудом шевеля разбитыми губами, сказал: «Женщина – это сын твой, – затем, взглянув на юношу: – а это мать твоя.» Пророк взглянул на Антония и, как тому показалось, улыбнулся краешками губ. Словно теплая волна окатила Антония, и в душе стало хорошо и спокойно. Исчезла тоска, которая глодала сердце все прошедшие годы, и возникла необъяснимая радость, совершенно неуместная в такой обстановке. Антоний пошатнулся и растерянно пошел вниз в состоянии ребёнка, которого неожиданно приласкала мать. Он спустился с холма, так как не хотел мешать женщинам прощаться с пророком, а пророку – уходить.

Огромная чёрная туча медленно поднималась над Голгофой. Антоний сидел внизу на земле, спиной к распятым, в состоянии странного счастья, которое ранее никогда не испытывал. Он понимал, что уже не расстанется с этим человеком, что бы с ним не случилось сейчас, что он всегда будет жить в самой дорогой для него, Антония, сокровен-

ной части его души. Возмущённый разум суетливо подбрасывал мысль: ведь пророк сейчас умрет. Мы все ждём, когда он умрёт. Но Антоний знал – он не умрёт никогда. Более того, он понимал, что знает пророка очень давно и давно любит его, и что они многое пережили вместе. Словно спала пелена с его глаз: он внезапно увидел, строительство какого великолепного храма завершает сейчас этот плотник из Назарета.

Антоний был полностью разбит и сломлен внутри и одновременно абсолютно счастлив. Как это возможно – пережить счастье на месте казни? Но если смерти нет, что же тогда – трагедия? Он обернулся и посмотрел на небо. Туча над Голгофой заворачивалась мощными пластами в спираль, вздымающуюся вверх. Вдруг пророк поднял голову, весь напрягся и что-то прокричал, затем обмяк и поник головой. Женщины с криком упали на землю. Глухо прорычал первый удар грома.

Сильно поредевшая толпа у основания холма бросилась в город. Упали первые тяжелые капли дождя, и в тот же миг Антоний почувствовал, как земля уходит из-под ног. Он удержался, устоял и посмотрел на город. Видно было, как

по нему словно движется волна, опрокидывая и разрушая крыши домов, поднимая столбы пыли от обрушенных строений. Страшный грохот раздался со стороны храма. В воздух поднялись огромные облака пыли. Все замерли и как замороженные смотрели на разрушающийся Иерусалим.

В это время три всадника выехали из города по направлению к холму. Антоний поднялся наверх, чтобы встретить их. Посыльные привезли разрешение прокуратора ускорить казнь – перебить ноги осужденным. Антонию же приказывалось дожидаться смерти осужденных и вернуться со своим отрядом во дворец. Legionеры должны были выставить охрану возле крестов и также вернуться во дворец. Они сразу же бросились выполнять распоряжение, чтобы поскорее уйти из этого проклятого места до грозы вместе с кавалерией. Быстро перебили голени бандитам. Пророк же был уже мёртв. Сотник подъехал на лошади к телу и на всякий случай ударил его копьем в бок. Вытекло совсем немного крови и прозрачной жидкости.

Еще несколько толчков земли почувствовал Антоний. Он приказал выводить лошадей и построиться к отъезду. Дождь усиливался. Оставленные караульные побежали

прятаться от дождя в овчарню. Остальные легионеры быстрым шагом строем спускались с холма. Туча закрыла все небо и резко потемнело. В разрывах облаков было видно, что солнце закрывает полукруглая тень. Раскаты грома потрясали округу. Всадники с трудом сдерживали лошадей. Последними с холма спускались три женских фигуры, закутанные в чёрное, и юноша, несколько в стороне от них. Антоний подошёл к кресту и заглянул в измученное, израненное лицо пророка, стараясь запомнить его. Он заметил легкий голубой свет, исходящий от его лица и тела. В сердце Антония не было горечи и страдания, а была беспредельная тишина, которая соединила его и пророка навсегда. Командир третьей турмы подъехал к нему, ведя в поводу его лошадь. Антоний вскочил на неё и знаком подал команду стоящим у подножия холма всадникам двигаться в город. Сам он ещё раз обернулся и взглянул на пророка. Волосы слиплись и закрыли его лицо. Потоки воды, смешанные с кровью стекали с тела по столбу креста на землю, образуя кровавые лужицы. Голубое свечение исчезло. Глина на дороге мгновенно расплзлась. Лошади шли медленно, выбирая, куда наступить копытом. По сторонам

улицы всюду видны следы разрушений: обвалившиеся стены, рухнувшие крыши. Иудеи, поражённые и расстроенные, суетились вокруг, мрачно оглядываясь на проходящую мимо кавалерию. Измученный событиями этого тяжёлого дня, завернувшись в свой голубой плащ, Антоний мечтал лишь поскорее доехать, выпить горячего вина и рухнуть на солому под ноги своих любимых лошадей. Солнечный луч вдруг пробил тёмные облака, осветив серебристые струи дождя, как будто подал всем надежду, и тут же погас.

Наконец-то дворец в серой пелене дождя. Пустынная мокрая лестница и площадь перед ней, где сегодня разыгралась кровавая драма. Здесь кавалерия догнала шагающих с Голгофы легионеров, объехала их и стала медленно втягиваться в ворота заднего двора. Антоний спешил, привязал лошадь под навесом и пошел докладывать прокуратору. Тот сидел в комнате с отдернутой занавеской и с кем-то разговаривал. Увидев Антония, он махнул ему рукой, приглашая войти, и указал на кресло. Антоний сел, расстегивая шлем.

– Он умер? – спросил прокуратор.

Антоний кивнул.

– Ты уверен? – прокуратор уставился на него.

Антоний удивленно поднял глаза. Такой вопрос – солдату с восьмилетним стажем...

– Извини, – сказал прокуратор, – он сказал, что даже если его убьют, он на третий день воскреснет. Я должен быть уверен, что он мёртв.

В этот момент в комнату вошел сотник легионеров.

– Он пронзил его тело копьем, – указывая на него, сказал Антоний, – крови почти не было.

Прокуратор насупился. Он понимал, что это означало – сердце не работало.

– Охрана возле тела оставлена? – спросил он.

Сотник подтвердил.

– Хорошо, идите, – сказал прокуратор.

На ходу снимая плащ, Антоний спускался по лестнице. Внизу ждал всадник из его отряда:

– Декурион, там вас спрашивает какой-то иудей из священников.

«Господи, – подумал Антоний, – этот день когда-нибудь кончится?»

Опять накинув плащ, он пошел за солдатом через двор. В воротах стоял старый иудей в священнических одеждах, его белая борода была вся мокрая от дождя. В стороне стояли те три женщины в чёрных одеждах, которых он видел у креста, и ещё несколько человек. Поклонившись, он обратился к Антонию с просьбой походатайствовать перед прокуратором, чтобы ему отдали тело пророка.

– У меня есть гробница – пещера, – сказал он, – мы сегодня совершим все полагающиеся обряды и положим тело туда, завтра суббота и делать это будет нельзя.

– Почему ты обращаешься ко мне? – спросил Антоний.

– К прокуратору меня не пустят, – ответил тот, – а вы единственный из римлян, кто помогает иудеям. Я очень надеюсь на вашу помощь.

Антонию самому хотелось, чтобы тело пророка, наконец, достойно упокоилось.

– Хорошо, я пойду к прокуратору, – сказал он.

Антоний пересек двор, поднялся по лестнице и опять появился перед прокуратором.

– Что еще? – удивленно спросил тот.

– Там пришёл старый священник, просит отдать ему тело для погребения. Все расходы он берёт на себя. И у него есть пещера-гробница.

Прокуратор задумался.

– Позови сотника, – сказал он.

Сотник был рядом и тут же пришёл на зов.

– Отдайте ему тело, – сказал прокуратор, – но когда они положат его в гробницу, опечатайте её и поставьте охрану, чтобы тело не выкрали.

Офицеры вопросительно смотрели на прокуратора.

– Этот пророк говорил, что на третий день воскреснет, – раздражённо бросил прокуратор, – нельзя, чтобы этой сказкой кто-то воспользовался. Пусть следят внимательно за всеми, кто приходит к гробнице.

Сотник с двумя легионерами и священником отправился к Голгофе, и Антоний, наконец, остался один.

Сбросив плащ, он вошёл в комнату офицеров. Один из них спал в углу на лавке. Двое заканчивали ужин. Старый слуга тут же без слов принес ему кубок горячего вина. Положив на угол стола шлем и ремень с длинным кавалеристским мечом, Антоний тяжело опустился на лавку, обхватив ку-

бок, согревая руки. Есть не хотелось. Всё его тело горело странным радостным огнём, и каждая его частичка трепетала от нового для него чувства возрождения, чувства обретения новой жизни. Жизни, в которой появился смысл. В чём этот смысл, Антоний ещё не понимал, но то, что он для него появился – знал точно. И подарил ему этот смысл распятый на Голгофе неизвестный ему пророк, которого он знал всегда...

Ночью он плакал, может быть, впервые за долгие годы, припав лбом к копыту его любимой лошади. А та стояла неподвижно, иногда опуская голову и слизывая своим толстым шершавым языком слезы с его щек.

Утром начальник тайной полиции докладывал прокуратору о разрушениях, вызванных вчерашним землетрясением. Через холм Голгофы прошла большая трещина, расколовшая его на две части. Эта же трещина прошла и через храм. Рухнуло несколько стен. И главное – огромная тяжёлая ковровая завеса, вытканная золотыми нитями, разорвалась надвое, открыв всем Святая Святых храма, куда никто раньше не допускался. Разрушено довольно много домов бедноты. Но они в большинстве своём уже восстановлены,

так как строятся из глины с соломой, и за ночь жители их восстановили, поскольку сегодня суббота и работать будет уже нельзя.

– Странное землетрясение, – отметил начальник тайной полиции, – единственная трещина, проходящая по линии Храм – Голгофа. Люди шепчутся, что это месть пророка. Он ведь говорил, что может разрушить храм и восстановить его за три дня.

Прокуратор сидел молча, немного осунувшись за ночь. Видно было, что он нервничал.

– Пасха завтра, – сказал он, – большая беда – разрушение храма перед таким праздником. Первосвященник получил по заслугам. Пошлите ему в помощь наших работников. Храм надо сегодня привести в порядок. Идите.

Начальник тайной полиции поклонился и вышел. Они остались в комнате вдвоем – прокуратор и Антоний.

– Не могу себе простить смерть этого пророка, – начал прокуратор, – всё мне говорило, что он необычный человек. Как я не хотел его распинать! И жена мне говорила, что нельзя этого делать. Будет ужасно, если он завтра воскреснет, как обещал. А если еще и в Риме узнают... Поезжай

сам, декурион, проверь посты. Эти легионеры – простые костоломы, мозгов у них нет. Главное, чтобы не украли тело и не пустили бы слух, что он воскрес. Тогда ещё и бунт может вспыхнуть.

Антоний молча встал, коротко поклонился и вышел.

Через некоторое время с четырьмя всадниками он выехал из ворот заднего двора. Они с трудом нашли пещеру под Голгофой. Легионеры из караула разогревали завтрак на небольшом костерке. Антоний с любопытством рассматривал камень, которым была закрыта пещера. Одному мужчине, пожалуй, его не отвалить. В двух местах щель между камнем и стеной была забита восковыми лепешками, на которых стояла печать третьей когорты шестого легиона, несущей охрану дворца прокуратора. Пройдя к Голгофе, он с удивлением увидел огромную трещину, проходящую через всю гору и разделяющую её на две половины. Трещина прошла совсем рядом с основанием креста, на котором распяли пророка. Вчера, когда он уезжал отсюда, её еще не было. Легионер сказал, что трещина появилась ночью. Увидели её только утром. Рассказал, что дождь закончился вечером, и тело обмывали и заворачивали практиче-

ски в темноте. Во всяком случае, сказал он, печати ставили уже точно в полной темноте при факелах. Был отдан приказ легионерам – охранять это место до завтра, до смены.

Антонию понравилась эта уединённая пещера – тихое спокойное место, заросшее кустарником. Уходить отсюда не хотелось. Но мысль о том, что за этим камнем лежит тело человека, который вчера произвел в нем такой внутренний переворот, сегодня не вызывала никакого отклика. Ещё немного побродив по окрестностям, он позвал своих воинов, и они направились обратно.

На подъезде ко дворцу всадники встретились с гонцами, прибывшими из Капернаума, где находились основные силы легиона.

– Сегодня они заканчивают с казнями, распинают зачинщиков бунта. А завтра, самое позднее, послезавтра они выступят в обратный путь, – поделился с Антонием старший офицер. – Значит, через пару дней мы все, наконец, соберемся, – рассмеялся Антоний.

Ночь он проспал как ребенок в объятиях матери – тепло и уютно. Даже не услышал сигнала подъема. Его разбудил посланный от прокуратора. Он поднялся по лестнице.

Прокуратор в гневе ходил по площадке как раненый зверь и отчитывал легионера с растерянным выражением лица, в сбившемся на бок шлеме и грязном плаще. Антоний узнал того караульного, который вчера был в охране пещеры и сопровождал его к гробнице.

– Они проспали! – гремел прокуратор, – Тело украли! Теперь можно ожидать чего угодно!

Рядом стоял командир караула, который пришел на смену.

– Расскажи, что ты видел, – бросил прокуратор.

Тот вытянулся и начал говорить:

– Когда мы подходили уже к пещере, навстречу нам попала бегущая женщина, которая сказала нам: «Вы опоздали, его уже нет.» На площадке возле пещеры на земле в бесчувственном состоянии лежали вповалку легионеры караула. Мы с трудом привели этого в сознание. Камень от входа в пещеру был отвален и отброшен в сторону. В пещере никого не было, только лежали погребальные простыни. Легионеры сейчас пытаются привести в чувство остальных, а я сразу же повёл этого сюда.

Прокуратор резким движением смахнул со стола кубки, которые с металлическим грохотом ударились в стену и упали на пол.

– Что ты нам несёшь про яркий свет и потерю сознания! Вас просто опоили и обвели вокруг пальца, чертовы пьяницы, вам нельзя ничего поручить! – кричал он на легионера. – Ты будешь наказан!

Прокуратор резко повернулся к Антонию:

– Поезжай, и разберись там на месте, а вы все убирайтесь отсюда!

С трудом скрывая свою радость, Антоний сбежал по лестнице. Конечно же, он жив! Он не может умереть! Он не умрёт никогда! Может быть, я его ещё увижу.

Когда он, так и не позавтракав, надевал доспехи, старый слуга принес ему лепешку. Антоний удивился – такой знак внимания – римлянину!

Солдаты уже выводили лошадей, когда к Антонию подбегал легионер.

– Прокуратор сам хочет поехать с вами. Готовьте всю турму! Слуги вывели из-под навеса коня прокуратора и накинули на него попону, готовя в дорогу. Антоний вскочил на коня, построил свой отряд в полном вооружении и остановился перед ним с копьём в руке в ожидании прокуратора. Тот в позолоченном шлеме и кирасе спустился

во двор. По знаку Антония два всадника сразу же поскакали вперед – расчищать дорогу, за ними двинулись прокуратор с Антонием, следом весь остальной отряд. Ехали быстро. Иудеи в растерянности замирали по сторонам дороги: не часто увидишь прокуратора верхом на улицах города.

Испуганный неожиданным приездом прокуратора, караульный подбежал с докладом: «Одного солдата из первой смены так и не смогли откатать. Он умер. Два других живы, но в плохом состоянии. Признаков, что легионеры охраны что-то пили, не обнаружено.»

Прокуратор с Антонием подошли к пещере. Камень, закрывавший пещеру, был отброшен неведомой силой довольно далеко. Никаких следов, что его откатили или перенесли – нет. Только вчерашние следы Антония и женские следы до пещеры и обратно. Повсюду в траве жёлтые кусочки воска от разбитых печатей.

Прокуратор был темнее тучи и смотрел молча. Затем они прошли к костру, где находилась охрана. Один легионер лежал на земле бездыханный, двое сидели с отрешённым видом.

– Они говорят, что увидели какой-то яркий свет ночью и больше ничего не помнят, – докладывал легионер из второй смены.

Прокуратор молчал.

– Что они ели? – спросил Антоний. Легионер принёс котелок с варёными бобами – традиционную солдатскую еду, да ещё лепёшки, которые так и лежали в траве возле костра.

Прокуратор осунулся и весь потемнел.

– Жена была права, – сказал он, – беды начинают подступать. Антоний, с трудом сдерживая радость, спросил:

– Завтра-послезавтра приходят основные силы, чего нам теперь бояться? Прокуратор махнул рукой и пошёл к лошадям:

– Поехали отсюда!

Вернувшись во дворец, он закрылся у себя и в этот день больше не выходил.

После всех этих событий Иерусалим притих. Люди мало выходили из домов, хотя был праздник Пасхи. Затмение солнца, землетрясение и сильную грозу в народе восприняли как плохой знак. В храме шли традиционные служ-

бы, но людей было немного. Кое-кто из фарисеев считал разрушения в храме последствием смерти пророка, знаком свыше, и осуждал первосвященника.

По возвращении Антоний, проходя мимо старого слуги, не удержался и сказал ему, что тело пророка исчезло.

К вечеру слышались звуки труб и литавр со стороны римского лагеря. Вернулись основные силы легиона. Их ожидали завтра, но, по просьбе прокуратора, они шли форсированным маршем и прибыли сегодня. Командующий легионом легат вместе с командирами приехали к прокуратору. Из Рима пришёл приказ: в ближайшие дни легиону выступить в Дамаск на соединение с первым легионом для дальнейших совместных действий в Средней Азии. В Иерусалиме остаются несколько когорт легионеров, сколько – по решению прокуратора, и две турмы кавалерии. На днях сюда должны подойти остатки разбитого одиннадцатого легиона на переформирование. Командующий кавалерией легиона получил ранение при разгоне бунтовщиков. И до его излечения командиром кавалерии назначен Антоний.

Легат закрылся с прокуратором в комнате, а командиры толпились на верхней площадке дворца, обсуждая грядущ-

щий поход. Новое назначение, обрадовавшее бы любого, вызвало у Антония лишь чувство грусти: придется покинуть этот город, где произошло его второе рождение. Вся жизнь раскололась для него на две части: до встречи с пророком и после. Он понимал, что первая жизнь была дана ему лишь для того, чтобы привести его сюда, в Иерусалим, чтобы эта встреча состоялась. Он знал – чтобы не случилось, пророк будет всегда с ним. И он уезжает из этого города только для того, чтобы оказаться ещё ближе к нему. Красное закатное солнце дрожало в жарком воздушном мареве, поднимающемся от земли. Держа кубок с вином в руке, Антоний мысленно прощался с прошлой жизнью и с этим городом, погружающимся в сумерки, с темной громадой храма, возвышающейся над ним, с горой Голгофы и пещерой под ней.

Командиры вокруг него пили, грубо шутили, кто-то даже пел, а он наслаждался внутренней блаженной тишиной, причиной которой стал он – неизвестный и горячо любимый им пророк.

Два дня прошли в суете сборов. Необходимо было позаботиться о провианте для всадников и фураже для лошадей

на весь путь. Проверить обмундирование, оружие и сбрую, перековать некоторых лошадей. И все-таки в гуще дел Антоний выбрал момент и съездил к пещере возле Голгофы, где несколько дней лежало тело пророка. Крест на Голгофе сняли, и он лежал, брошенный у основания горы. Трещина в горе кое-где обвалилась и затянулась землёй. Пещера была открыта. Камень находился там, куда его отбросила неведомая сила. На плите, где лежало тело, стояла масляная лампада, в которой горел огонь, возле неё цветы. Цветы в горшках и вазах стояли и вокруг плиты. В самой пещере ощущалось присутствие высокой, красивой и доброй силы. Антоний постоял немного, прощаясь, поклонился и вышел. Наконец, рано утром под звуки труб и литавр, легион вышел в путь. Антоний ехал в авангарде вместе с легатом между первой и второй турмами. За ними перед первой когортой пехоты несли знамя легиона – золотого орла. За пехотой воли тянули баллисты, сопровождаемые прислугой. Замыкали движение четыре турмы кавалерии. Когда авангард поднялся на холм, Антоний отъехал в сторону, остановился и обернулся. Вдали сверкал зеленью и белым камнем странный город Иерусалим, которого, как он по-

нимал, больше никогда не увидит. И где-то в сердцах людей этого города уже начал возникать призрачный храм новой великий веры, которую принес в мир никому не известный плотник из Назарета.

* * *

Иерусалим был сожжён римскими войсками в отместку за бунт, а храм разрушен и больше никогда не восстанавливался.

Прокуратор закончил свою жизнь в темницах Рима, арестованный по лживому доносу. До конца своих дней он обвинял себя в смерти невинного пророка.

Антоний ушел в отставку досрочно, лишившись всех причитавшихся ему привилегий. Он примкнул к одной из первых христианских общин последователей апостола Петра в одном из итальянских городов, за что был схвачен и приговорён к смерти. Ему как воину предложили сразиться на арене с гладиаторами. Но он отказался. Тогда на него выпустили диких зверей, которые не тронули его. И лишь после того, как зверям нанесли раны длинными копьями из-за ограждения арены, они бросились на Антония...

**ОГЮСТ ШУАЗИ
(А. Быстров)**

**ИЕРУСАЛИМ.
ДЕКУРИОН АНТОНИЙ**

Компьютерная верстка Г. Котлярова

Формат 120х135. Гарнитура Palatino Linotype
Тираж 200 экз.

ООО «Ваш полиграфический партнер»
127238, Москва, Ильменский пр, д. 1, стр. 6

ISBN 978-5-4253-0829-0

9 785425 308290 >

